

А. Брандт

Листья пожелтевые

Передуманное и пережитое

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Брандт**
Листья пожелтевые: Передуманное и пережитое / А. Брандт – М.: Книга по Требованию, 2021. – 197 с.

ISBN 978-5-458-41490-6

Брандт Александр Андреевич - (1855-1932), российский ученый в области прикладной механики и термодинамики. С 1920 - в эмиграции, жил в Югославии. Труды по теории паровых машин, применению их на локомотивах и судах, общей и технической термодинамики. Автор мемуаров "Листья пожелтевые" (1930). В книге содержатся воспоминания автора, начиная с 1899 г. - периода студенческих забастовок. Далее идут рассказы о Распутине, о революции, размышления о войне, о социалистических экспериментах в Китае и др.

ISBN 978-5-458-41490-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

выработаны Временные правила объ отдачѣ въ солдаты студентовъ, участвовавшихъ въ студенческихъ безпорядкахъ. Эти Временные правила 29 юля 1900 года были Высочайше утверждены. Они были примѣнены въ декабрѣ 1900 года въ Кіевѣ, когда, послѣ бывшихъ тамъ безпорядковъ, 183 студента были сданы въ солдаты. Послѣ этого началась забастовка во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

14 февраля 1901 года студентъ Карповичъ произвелъ покушеніе на ministra Народнаго Просвѣщенія Боголѣпова и убилъ его.

Забастовочное движение пріобрѣло новую силу, и въ началѣ марта всѣ высшія учебныя заведенія Петербурга были закрыты. 4 марта состоялась извѣстная демонстрація передъ Казанскимъ соборомъ.

Временные правила больше не примѣнялись, и въ началѣ апрѣля состоялось назначеніе генерала Ванновскаго на постъ ministра Народнаго Просвѣщенія. Рескриптомъ на его имя устанавливался принципъ „сердечнаго попеченія“ о молодежи, и признавалась необходимость коренного пересмотра строя высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ осенній семестръ 1901 года, студенты, сданные въ солдаты, были возвращены и допущены къ экзаменамъ, перенесеннымъ по желанію студенчества съ весны на осень. Лишь демонстранты, высланные на разные сроки, не были возвращены.

Наконецъ, 22 декабря 1901 года были утверждены временные правила студенческихъ организаций, которыми устанавливался институтъ старостъ и разрѣшались курсовыя и факультетскія сходки.

До 1896 года я совершенно не занимался ни политикой, ни общественной дѣятельностью, хотя и былъ убѣжденъ въ томъ, что самодержавный строй въ Россіи давно отжилъ свой вѣкъ и долженъ быть замѣненъ конституціоннымъ строемъ.

Мнѣ пришлось впервые столкнуться съ внутренней политикой послѣ моего назначенія на должность инспектора Института путей сообщенія. На эту должность, такъ же какъ и въ Горномъ Институтѣ и въ Институтѣ гражданскихъ инженеровъ, назначались профессора. Инспекторъ Института былъ помощникомъ директора Института по учебной части, четыре помощника инспектора также занимались учебной частью, и вся инспекція не имѣла тѣхъ чисто полицейскихъ функцій, которыя имѣли въ университетахъ инспекторъ студентовъ, его помощники и педеля.

Въ Институтѣ допускались сходки студентовъ, студенты выбирали курсовыхъ старость, имѣли свою студенческую библіотеку, пополнявшуюся изъ доходовъ отъ студенческаго буфета.

Послѣ моего назначенія инспекторомъ Института я старался укрѣплять и развивать всѣ эти учрежденія, особенно библіотеку, для которой было отстроено довольно большое помѣщеніе. Что касается сходокъ, то ихъ приходилось допускать, хотя бы въ виду того, что не допустить ихъ было невозможно. Въ Институтѣ было пять огромныхъ залъ, въ которыхъ помѣщались чертежныя; въ любомъ изъ этихъ залъ можно было собрать сходку, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ могли помѣститься студенты всѣхъ пяти курсовъ, т. е. свыше тысячи человѣкъ.

Въ 1896 или 1897 году случилась такъ называемая Вѣтровская исторія: курсистка Вѣтрова, арестованная по политическому дѣлу и заключенная въ Петропавловскую крѣпость, облила себя керосиномъ изъ лампы, зажгла его и сгорѣла. Ходили слухи, что къ самоубійству ее побудило обращеніе съ нею тюремной администраціи.

Газеты обѣ этомъ дѣлѣ, конечно, ничего не сообщали, и въ обществѣ о немъ не говорили. Поэтому студенты петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеній устроили манифестацію у Казанскаго собора, для того, чтобы обратить на это дѣло вни-

маніе общества. Во время манифестаціи многіе ея участники были захвачены полиціей и развезены по тюрьмамъ. Въ ихъ числѣ было около десяти или пятнадцати студентовъ Института инженеровъ путей сообщенія.

Я сочувствовалъ молодежи, которой приходилось взять на себя обязанность взрослыхъ людей и обращать вниманіе общества на дѣйствія тюремной администрації. Поэтому я на другой же день направился въ охранное отдѣленіе и легко добился разрѣшенія навѣстить студентовъ Института въ тюрьмѣ Кресты на Выборгской сторонѣ, чтобы спросить объ ихъ нуждахъ и послать имъ необходимыя книги и пр.

Я долженъ сказать, что тюрьма произвела на меня въ общемъ хорошее впечатлѣніе: камеры были чисты, опрятны и свѣтлы. Опросивъ студентовъ, я послалъ имъ тѣ книги и вещи, о которыхъ они просили.

Они были освобождены довольно скоро. Мое посѣщеніе тюрьмы было принято студентами очень хорошо и содѣйствовало тому, что во время забастовочного движенія 1899 и 1900 годовъ они слушались моихъ совѣтовъ и не допустили ни одного случая насилия или обструкціі.

Когда въ февралѣ 1899 года студентами Института была объявлена забастовка, то на сходкѣ участвовали почти всѣ студенты. Забастовка была объявлена подавляющимъ большинствомъ голосовъ, и было совершенно ясно, что нельзя заставить студентовъ заниматься, т. е. ходить въ чертежныя, на репетиціи и пр., разъ этого не желаетъ огромное большинство; меньшинство подчинилось большинству. Институтъ сразу опустѣлъ, и съ этимъ приходилось считаться. Только старосты приходили ко мнѣ.

Директоръ Института, мой благородный другъ М. Н. Герсановъ, и члены Совѣта приняли мою точку зренія, — что нужно выждать и не принимать никакихъ мѣръ.

У насъ даже не возникало вопроса о необходимости защищать какое то меньшинство; это меньшинство ничѣмъ себя не проявляло. Не то было въ Университетѣ, и потому тамъ началась обструкція, была введена полиція и пр.

Когда была назначена Комиссія генерала Ванновскаго, мнѣ пришлось совершить одно криминальное дѣйствіе, не имѣвшее для меня непріятныхъ послѣдствій только потому, что оно увѣнчалось успѣхомъ. Изъ разговоровъ съ нашими старостами я выяснилъ, что для прекращенія забастовки нуженъ предварительный говоръ представителей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга, и что безъ этого говора въ нѣкоторыхъ изъ нихъ могутъ пройти резолюціи о прощленіи забастовки. Сговоръ затруднялся тѣмъ, что полиція слѣдила за студентами, состоявшими въ организаціонныхъ комитетахъ Университета и Технологического Института. Тогда я, на свою личную отвѣтственность, предложилъ нашимъ старостамъ позвать въ одинъ изъ послѣднихъ дней февраля представителей всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній на общее собраніе, назначивъ для этого помѣщеніе библіотеки Института.

Собраніе это состоялось; длилось очень долго, чуть ли не до двухъ часовъ ночи, но окончилось благополучно общимъ рѣшеніемъ прекратить забастовку. Мнѣ помнится, что въ этотъ вечеръ у меня было не мало волненій относительно того, какъ сойдетъ собраніе. Замѣтивши мое волненіе, ко мнѣ нѣсколько разъ приходилъ очень милый нашъ студентъ Борисякъ, братъ извѣстнаго геолога Борисяка, и рассказывалъ мнѣ о ходѣ собранія.

Позже, когда генералъ Ванновскій вызвалъ меня съ цѣлью узнать подробности о теченіи забастовки въ Институтѣ, онъ уже зналъ объ этомъ собраніи и говорилъ мнѣ, что я въ сущности совершилъ криминальный поступокъ, но что „побѣдителей не судятъ“.

Въ началѣ апрѣля мнѣ показалось невыно-

симымъ молчаніе газетъ о студенческихъ дѣлахъ и о Комиссіи Ванновскаго, и я рѣшилъ попытаться совершить второй криминаль, который однако не удался. Мне казалось, что если-бы всѣ петербургскія газеты въ одинъ и тотъ же день напечатали разныя статьи о студенческихъ беспорядкахъ, то, несмотря на секретный циркуляръ начальника Гл. Упр. по дѣламъ печати отъ 14 марта, правительство не закрыло бы сразу всѣхъ газетъ. Надо было уговорить на это редакторовъ всѣхъ газетъ. Начать нужно было съ А. С. Суворина, съ которымъ я былъ знакомъ, такъ какъ встрѣчался съ нимъ въ Іеодосіи въ домѣ художника Айвазовскаго. Я надѣялся его уговорить, хотя онъ былъ раздраженъ противъ студентовъ, потому что за одну статью „Нового Времени“, порицавшую студенческіе беспорядки, въ другихъ газетахъ стали печататься заявленія подписчиковъ о прекращеніи выписки „Нового Времени“. Однако А. С. Суворина уговорить не удалось. Въ своемъ Дневникѣ, изданномъ въ Москвѣ при большевикахъ, на стр. 197-ой онъ такъ описываетъ мое посѣщеніе: „9 апрѣля 1899 года, вечеромъ, три часа сидѣлъ инспекторъ Брандтъ. Говорили о молодежи, о ея безвыходномъ положеніи. Онъ пришелъ предложить, чтобы всѣ газеты написали такія статьи, за которыя ихъ бы запретили. Я ему сказалъ, что останутся правительственные газеты, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и явятся новая. Это дѣлу не поможетъ. Молодежь должна покориться Царю и больше ничего. Тутъ не можетъ быть другого рѣшенія. Они могли бунтовать противъ министровъ, совершенно ничтожныхъ и нелѣпыхъ, особенно противъ Горемыкина и Боголѣбова, но бунтовать противъ Царя — невозможно.“

Какъ известно, въ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. сходки были запрещены, и потому рѣшенія забастовать принимались — тамъ где было много слушателей — слѣдующимъ образомъ: въ актовомъ залѣ или одной изъ большихъ аудиторій собирались наиболѣе активные студенты, число ко-

торыхъ часто не превосходило одной десятой общаго числа студентовъ. Послѣ соотвѣтствующихъ рѣчей принималось рѣшеніе забастовать и, въ случаѣ неподчиненія остальныхъ студентовъ этому рѣшенню, примѣнять обструкцію, т. е. не давать профессорамъ читать лекціи, мѣшать производству упражненій и примѣнять химическіе способы для порчи воздуха. Часто большинство студентовъ, не присутствовавшее на сходкѣ, не желало подчиниться ея рѣшенію, и тогда университетское начальство, по приказу Мин. Нар. Просв., защищало нежелавшихъ бастовать и для этого вводило въ Университетъ полицію и принимало другія мѣры, какъ напр. увольненіе студентовъ, говорившихъ на сходкахъ, замѣченныхъ въ обструкціи и т. д. Эти репрессивные мѣры противъ наиболѣе активныхъ студентовъ были на руку крайнимъ революціоннымъ партіямъ, такъ какъ студенты, выброшенные изъ университетовъ, пополняли кадры этихъ партій. Такимъ образомъ Мин. Нар. Просв., борясь съ забастовками и при томъ производя эту борьбу совершенно одинаково во всѣхъ городахъ Россіи, безъ вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, наносило правительству непоправимый вредъ.

Мнѣ помнится, что еще въ 1899 году я узналъ, что въ итальянскихъ университетахъ очень часты забастовки и что онѣ назначаются студентами по самымъ маловажнымъ поводамъ. Списавшись съ однимъ изъ итальянскихъ профессоровъ, я узналъ, что эти забастовки представляютъ настоящій бичъ университетовъ, но что итальянское правительство не принимаетъ противъ нихъ однообразныхъ мѣръ, предоставляя совѣтамъ университетовъ разныхъ городовъ самимъ бороться съ забастовками такъ, какъ они это находятъ наиболѣе удобнымъ. Мнѣ казалось, что этотъ же способъ надо примѣнить и у насъ и нужно воспользоваться тѣмъ, что многія изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, какъ напр. Институтъ инжен. путей сообщ., Горный Институтъ, Институтъ гражд. инжен., Электротехни-

ческій Институтъ не были подчинены Мин. Нар. Просв., и потому не существовало никакого обязательства примѣнять въ нихъ тѣ самыя мѣры, которыя примѣнялись въ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв.

Въ мои интересы конечно не входило увеличивать длительность забастовокъ, и, въ цѣляхъ ихъ сокращенія, я принималъ нѣкоторыя особыя мѣры, часто послѣ совѣщанія съ моимъ покойнымъ другомъ, извѣстнымъ геологомъ Иваномъ Васильевичемъ Мушкетовымъ.

Я не особенно большой поклонникъ всеобщаго голосованія, но я думаю, что люди, имѣющіе одинаковое образованіе, одинаковый возрастъ и одинаковыя задачи, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, ихъ касающихся, при помощи всеобщаго голосования должны приходить къ такимъ рѣшеніямъ, которые въ данное время для нихъ являются единственно приемлемыми.

Какъ я уже упоминалъ, въ Институтѣ сходки не были воспрещены. Въ виду важности вопроса о забастовкахъ, я сталъ требовать, чтобы на сходки ходили всѣ студенты, и чтобы рѣшенія сходокъ признавались только въ томъ случаѣ, если за данное рѣшеніе было подано число голосовъ равное половинѣ числа всѣхъ студентовъ плюсъ одинъ голосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ студентамъ было извѣстно, что, въ случаѣ рѣшенія забастовать, занятій производиться не будетъ. Если же за возобновленіе занятій будетъ подана половина голосовъ всѣхъ студентовъ плюсъ одинъ голосъ, то занятія должны немедленно возобновиться, всякая обструкція будетъ караться самымъ жестокимъ образомъ и въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, не будетъ оставлено камня на камнѣ. Это имѣло то послѣдствіе, что забастовки въ Институтѣ продолжались меньше времени, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и что ни обѣ обструкціяхъ, ни о вводѣ полиціи никогда не было и рѣчи.

Я могу сказать, что несмотря на жестокую

критику моей системы частью профессоровъ и другихъ лицъ, она неуклонно проводилась до 1913 года, не прерываясь даже въ то время, когда я, между 1902 и 1906 г.г., не занималъ въ Институтѣ ни должности инспектора, ни директора.

Когда была назначена Комиссія ген. Ванновскаго, то я подробно объяснялъ ему и его помощнику, сенатору Мѣщанинову, дѣйствовавшую въ Институтѣ путей сообщенія систему студенческихъ организацій и подалъ объ этомъ подробную докладную записку, которая удостоилась одобренія ген. Ванновскаго. Я думаю, что вслѣдствіе этого ген. Ванновскій, послѣ назначенія его министромъ Нар. Просв., издалъ 22 декабря 1901 года упомянутыя выше правила студенческихъ организацій въ университетахъ. Къ сожалѣнію, студенчество университетовъ не приняло къ исполненію предначертаній ген. Ванновскаго. Подъ вліяніемъ революціонныхъ партій, вѣроятно, считалось неправильнымъ принимать эти правила, такъ какъ они были даны сверху, начальствомъ, а не выработаны самимъ студенчествомъ, и вводили сходки и другія студенческія организаціи въ опредѣленныя рамки, которыхъ такъ называемое передовое студенчество не хотѣло допустить.

. Я вспоминаю еще, по какой причинѣ состоялось оставленіе мною должности инспектора Института въ 1902 году. Тогдашній министръ Путей Сообщенія князь Хилковъ относился довольно благосклонно къ тому, какъ я, по соглашенію съ директоромъ Института М. Н. Герсановымъ, вель студенческія дѣла, но послѣ забастовокъ, бывшихъ зимою 1901/2 г., мнѣ пришлось говорить съ нимъ объ этомъ, и, конечно, онъ высказался относительно этого явленія крайне отрицательно. Я также высказывалъ вполнѣ отрицательные взгляды на забастовки, признавая весь ихъ вредъ для учебного дѣла, однако счель необходимымъ высказать мнѣніе, что забастовки, которые были занесены въ Россію неизвѣстно какъ и неизвѣстно кѣмъ, пред-

ставляютъ собою какое то чрезвычайно значительное явленіе. Я высказалъ предположеніе, что вопросами внутренней политики студенческая молодежь стала заниматься потому, что въ Россіи не существуетъ давно назрѣвшихъ конституціонныхъ учрежденій, въ которыхъ взрослые выборные люди могли бы заниматься политическими вопросами.

Потомъ мнѣ сообщили, что кн. Хилковъ нашелъ неудобнымъ оставлять на должностіи инспектора Института профессора недовольного существовавшимъ тогда государственнымъ устройствомъ. Вслѣдствіе этого кн. Хилковъ, на время лѣтняго отпуска директора Института, особымъ приказомъ передалъ управлѣніе Институтомъ не мнѣ, какъ полагалось по Положенію объ Институтѣ, а другому профессору.

Я долженъ сказать, что возня съ забастовочнымъ движеніемъ мнѣ надоѣла, поэтому я воспользовался этимъ случаемъ и подальше просьбу объ увольненіи отъ должностіи инспектора Института.

Впрочемъ, измѣненію отношенія ко мнѣ кн. Хилкова способствовало еще и другое обстоятельство. На первый курсъ Института всегда желало поступить гораздо больше молодыхъ людей, чѣмъ могло быть принято; потому ежегодно Совѣтъ Института опубликовывалъ весной, сколько человѣкъ можетъ быть принято на первый курсъ по старшинству отмѣтокъ конкурсныхъ осеннихъ экзаменовъ по математикѣ, физикѣ и русскому языку. На конкурсные экзамены обыкновенно являлось свыше семисотъ человѣкъ; изъ нихъ половина не выдерживала экзаменовъ, а изъ удовлетворительно выдержавшихъ обыкновенно могло быть принято меньше половины. Однако, въ 90-хъ годахъ, при князѣ Хилковѣ, завелся такой обычай, что сверхъ принятыхъ Совѣтомъ по старшинству конкурсныхъ отмѣтокъ, министръ принималъ еще довольно много студентовъ вѣнчанія конкурса, по специальнymъ ходатайствамъ разныхъ лицъ. Въ этомъ дѣлѣ принималъ особо горячее участіе одинъ чиновникъ особыхъ

порученій, бывшій въ то же время правителемъ канцеляріи Института. Дѣлу внѣконкурснаго пріема придавалось какое то особо важное значеніе, которое теперь можетъ показаться смѣшнымъ. Этотъ чиновникъ былъ даже командируемъ въ Парижъ къ кн. Хилкову, гдѣ тогдѣ находился, для доклада объ особо рекомендованныхъ лицахъ, желавшихъ быть принятыми въ конкурсъ. Конечно, при этомъ не обходилось безъ разныхъ слуховъ, ронявшихъ по моему мнѣнію достоинство Института. По этому вопросу я занялъ совершенно непримиримую позицію, и съ помощью разныхъ постановленій Совѣта добился сильнаго сокращенія числа лицъ, принимавшихъ въ конкурсъ. За это соотвѣтствующія лица сумѣли возстановить противъ меня кн. Хилкова.

Впрочемъ, пріемъ въ конкурса продолжался еще очень долго, и мнѣ помнится, что въ началѣ 1904 года мнѣ пришлось выступить на бывшемъ тогда Съѣздѣ дѣятелей высшихъ учебныхъ заведеній съ филиппикой противъ этихъ пріемовъ, напечатанной въ трудахъ этого съѣзда. Внѣконкурсные пріемы прекратились только въ 1905 году.

Они были возобновлены большевиками и пріимѣнялись очень широко, но въ конкурса принимались уже не лица только что сдавшія удовлетворительно очень строгіе экзамены, а лица совершенно свободныя отъ науки.
